

греческого Востока, который до этого жил вполне самостоятельно, началась после перенесения столицы в Константинополь и встретилась здесь достаточно серьезное сопротивление, а во-вторых, потому, что, как справедливо отмечает и сам Г.Л. Курбатов, на формирование римских политических теорий оказали несомненное влияние эллинистические концепции (с. 32—33), а те, в свою очередь, развивались не без огромного влияния на них устойчивых традиций эллинского полиса (с. 25).

Показательно также, что монархические теории эпохи принципата активно разрабатывались именно греками: Дионом Хрисостомом, Плутархом, Филостратом и т.д. Все они писали и думали по-гречески. Почему бы не рассматривать политически греческую мысль IV в. как результат ее собственного развития, пусть обогащенного влиянием Рима и Востока, а не как в основе римскую с известным влиянием на нее античных и эллинистических традиций?

Последовательно рассматривается автором рождение идеала христианского императора и концепции идеального византийского государства, которая, как справедливо отмечает Г.Л. Курбатов, имела своей исходной базой античные теории идеальной полисной государственности, "священной" римской державы, гармонии и мудрости ее политического устройства, ныне освященной ее подобием божественному порядку, идеальному и совершенному (с. 46).

Отмечая различие общественно-религиозной концепции Запада и Востока, исследователь подчеркивает "оптимизм" византийской теории общества, веру в возможность достижения гармонии в общественных отношениях.

Анализируя языческую оппозицию, Г.Л. Курбатов вполне резонно приходит к выводу, что она исходила из традиционной шкалы полисно-государственных ценностей и критериев: при том, однако, оппозиция, по наблюдениям автора, боролась не за возврат к прежним порядкам и институтам, не за изменение существующей системы государственного управления, а за ее ориентацию.

Постулируя тот факт, что политическая оппозиция IV—V вв. все более принимала религиозную окраску, исследователь вместе с тем тонко подмечает чрезмерность абсолютизации в науке антитезы "христианин - язычник", ибо, хотя принадлежность к язычеству служила явным индикатором убежденной приверженности к традиционным ценностям, однако, немало было в IV—V вв. лиц, для которых христианство являлось лишь немного большим, чем дальнейшее продолжение традиционного государственного культа и воспринималось преимущественно как таковое (с. 49). Этим обстоятельством Г.Л. Курбатов объясняет наличие внутри господствующего класса Византии этого периода широкого круга лиц, связанных с весьма узкой прямой языческой оппозицией.

Глава II монографии "Последний идеолог

муниципальной аристократии — Ливаний (314—393)" посвящена "феномену" этого не только великого мастера красноречия, но и видного общественно-политического деятеля. Исследователь резонно отказывается видеть в Ливании человека, оторванного от действительности, политические идеалы которого лежали за ее пределами — в классической древности и эпохе эллинизма. Идеалом ратора, справедливо считает автор, был полис недавнего прошлого, когда римская государственность гарантировала городу значительную внутреннюю автономию, а муниципальной аристократии — стабильное господство. Г.Л. Курбатов полемизирует с теми исследователями, которые видят в Ливании человека с узким кругозором, "копающимся" в мелких конфликтных ситуациях, и вполне убедительно показывает, что при всей привязанности ратора к конкретным сюжетам ему было свойственно четкое общественно-политическое отношение к событиям, обобщенное их восприятие и оценка их значеня.

Автор показывает, что в основе как речей Ливания, так и его деятельности, лежит четкая, до деталей продуманная концепция защиты традиционных полисных структур. При этом Г.Л. Курбатов с основанием подмечает, что консерватизм ратора был не слепым, но, напротив, вполне реалистичным, поскольку деформация полисной системы, на взгляд Ливания и многих его современников, была еще исправима.

В этом же русле проанализировано автором и язычество Ливания, которое отнюдь не дает права смотреть на ратора как на лишнего трезвого взгляда идеалиста. Нельзя не согласиться здесь с Г.Л. Курбатовым, который утверждает, что идея "триумфального шествия" христианства достаточно упрощена и что значительное число обращенных продолжало оставаться "полуязыческими" (с. 59).

Тут, пожалуй, уместным будет добавить, что немало в этот период было и откровенных язычников, причем даже в верхних эшелонах власти. Имелись они и в окружении такого ревнителя христианства, каким был Феодосий I. Достаточно сказать, что его префектом претория Востока в 388—392 гг. являлся друг Ливания — язычник Татиан, а пост префекта города Константинополя занимал тогда сын Татиана — Прокл, о котором известно, что он отправлял языческий культ в Гелиополе². В этой связи благосклонное отношение Феодосия к Ливанию, причина которого представляется Г.Л. Курбатову труднообъяснимой (с. 54—55), отнюдь не выглядит неким исключением.

В той же главе на материале творчества Ливания автором развернуты и конкретизированы

² См.: Jones A. H. M., Martindale J. R., Morris J. The Prosopography of the Later Roman Empire. Cambridge, 1971. Vol. 1. (Далее: PLRE. I.) P. 876—878; Tatianus S; 746—747; Proculus 6.